

United States Holocaust Memorial Museum

**Interview with Dmitrii Zaharovich Kojuharev
RG-50.572*0064**

Интервьюер: Здравствуйте.

Респондент: Здравствуйте.

Интервьюер: Как вы помните, мы несколько недель тому назад с Вами встречались, и Вы рассказывали нам о Ваших воспоминаниях со времен второй мировой войны. И, как мы договорились, вот мы сегодня приехали, чтобы снять Ваши воспоминания на видео. Так что, пожалуйста, Вы опять как бы расскажете то, что Вы рассказали при предыдущей встрече. Но, если Вы вдруг что-то вспомните, какие-то другие моменты, которые Вы упустили, то, естественно мы очень заинтересованы услышать о них. Для начала, пожалуйста, назовите Ваше имя и фамилию.

Респондент: Швец Вера Федоровна.

Интервьюер: В каком году Вы родились?

Респондент: Тысяча девятьсот двадцать четвертого года, девятнадцатого октября.

Интервьюер: И где именно Вы родились?

Респондент: В Дубоссарах. Тут Дубоссары была автономная Молдавская Республика. И вот, Дубоссары.

Интервьюер: И, когда война началась, Вы тоже здесь были?

Респондент: Война — да. Война началась двадцать второго июня сорок первого года. У нас был день экзаменов, а утром в шесть часов утра налетели самолеты, начали бомбить воинскую часть и разбили нашу школу. И мы так экзамены и не сдавали. Ну а потом через месяц нас всех эвакуировали, вернее мы сами ушли, потому что невозможно было бомбёжкой--

Интервьюер: С Вашей семьёй?

Респондент: да. а семья — было две сестры у меня и мама. И мы, что могли взять на плечи — мама взяла в торбу немного муки, пачку соли, спички и пошли. Далеко пешком не пойдёшь. И Красноокнянский район, село Гулянка.

Интервьюер: Гулянка?

Респондент: да. это уже Украина была.

Интервьюер: Аха.

Респондент: И там мы были ну до августа месяца. В августе месяце уже зашли немцы и в рупор говорили по-русски, что все возвращайтесь обратно, кто откуда приехал сюда, идите все домой. Война уже кончилась. Ну и мы так же собрали уже то, что осталось — там уже и кушать уже

ничего не осталось. Как же петливой муки ели. И мы вернулись домой. Когда вернулись домой, наш дом этот был занятый и жили чужие люди. Потому что немцев было очень много и где не было людей — немцы занимали эти дома. Но это были знакомые наши и так мы жили весь август месяц. В сентябре уже ещё у нас корова была. В сентябре уже, осень, встала я и шла пасть корову; мама рвала бурьян в мешок, чтоб ночью дать корове кушать. И смотрим оттуда из горы со стороны Котовска, Рыбницы идет колонна — столько людей! Наверное, пять или шесть человек в одном рядку, но эта колонна была очень длинная — аж до конца, где разъезд на Рыбницу. Вы не были на тех дорогах?

Интервьюер: Нет.

Респондент: Ну, километра два.

Интервьюер: Было видно вот эту колонну?

Респондент: да. Это было видно эта колонна. И полицаи были. Жандармы были румынские и полицаи были, или как они назывались, немецкие. Все вооруженные и люди шли пешком. А рядом, это по сошейной дороге, а рядом была дорога, где повозками ехали. Там везли больных, которые не могли идти — и мужчины, и женщины, и маленькие дети, тех на повозках везли. И так их довели уже до Дубоссаров. Я недалеко, ну может полкилометра от Дубоссар, я посла корову и мама рвала бурьян. И мы видели, как они в город пошли, а потом повернули. Когда не было столько строений и видно было далеко — как аж до Лунги было видно дорога. И они половина повернули налево, половина направо — этих людей.

Интервьюер: Когда они уже вошли в Дубоссары?

Респондент: Да, вошли в Дубоссары. Ну, а потом уже слухи пошли, что это евреев - евреи Дубоссарские которые были — их никто не охранял, а тех всех завели на Табак завод. Это по Ленина улица. Ну, можно было и нашей улицей, но она тогда была не Космонавта, она была переулок Дзержинского. Этой дорогой можно до завода пойти. И их оттуда уводили — мы не видели куда. А куда их увозили — этого уже мы не видели. Но потом уже мама пошла в город и здесь по нашей улице был двухэтажный дом с подвалом. И мама идет и там эти жандармы румынские охраняли. И женщина одна позвала: «Тётя Мария! Тётя Мария!», маму мою. Мама узнала голос, это была Клара Барбарович. Еврейка по национальности, но жила она в Дубоссарах и муж у неё агроном был, трое детей у неё было. И я знала эту женщину, они даже недалеко от нас жили. И мама спрашивает: «Что ты здесь, Клара?» Она говорит: «Я пришла домой», а была она на Украине. Там детей оставила, а сама пришла домой взять кое-что. Но там уже были немцы в её квартире и её выгнали. А она опять зашла и говорит: «Это мой дом». Объясняет им, но, видимо, переводчика не было — они её не понимали. Они её взяли и закрыли, а утром уже разобрались. Но она целую неделю была в этом подвале. Ну мама уже пришла домой и говорит «Вот, видела Клару Барбарович. Её закрыли там, румыны охраняют. Надо понести кушать». И я пошла с мамой. Мама говорит: «идем, я передам кушать, а потом ты будешь носить ей кушать». И подоили корову, взяли кувшинчик молока, хлеба и пошли туда. Правда, румын добрый был — он сразу нагонял нас, а потом говорит «Идите». И мама через окно согнулась, отдала ей. А потом я еще несколько раз носила ей кушать. А потом дальше уже мы не видели её, уже не знаем, куда её девали.

Интервьюер: Там только один охранник был?

Респондент: Да, один ходил вот так по тротуару мимо окон этих, где подвал был.

Интервьюер: И как Вы знали, что он именно румын?

Респондент: Так видно было. Румыны были в одной форме, немцы были в другой форме. И румыны говорят — я хоть не знала по-молдавски, но учила в школе молдавский, так по слову знала. Ну, понимала, что он говорил. И он разрешал. И потом другой уже, когда я ходила, был, но румыны давали, разрешали. А потом к нам пришёл один парень высокий — я его сразу и не узнала, кто он. То были тоже моей мамы знакомые евреи. За ним пришло ещё двое — то был Кошницкие два и один был Гурович.

Интервьюер: Они к Вам домой пришли или куда?

Респондент: Да, домой пришли. Прямо по улице пришли домой и маму спросили. Мама была на огороде. Ну, спросила: «Что вы хотите от меня?» Они говорят: «Если есть у Вас, дайте нам хлеба или что-нибудь покушать». Мы, говорит, работаем — поднимаем столбы телеграфные по городу. Всё ж было разрушено, поломано и восстанавливаем. Мама дала им покушать дома и дала им домой и ушли. Потом они еще два раза приходили к нам. Они говорили, что они копают ямы для картошки, буряка и морквы — на зиму заготовки будут делать. Ну, мама говорит - «Слава Богу, что у урожая дожди были такие». Урожай был очень хороший в том году. И хлеба много уродилось. И они еще два раза приходили к нам и тоже больше они не пришли.

Интервьюер: Вот эти трое?

Респондент: Эти трое, да. Но они были немножко старше, года на три от меня старше. Они были – в одной школе мы учились. Потому что русской школы тогда не было, была еврейская три класса, молдавская и украинская. Я в украинской училась. Мы по-русски и не знали тогда и не умели, вот.

Интервьюер: Но ребята как бы были не из самих Дубоссар, из разных сел?

Респондент: Самые эти мальчики были из Дубоссар.

Интервьюер: Вы говорили кто был из Кошницы или?

Респондент: Это фамилия — Кошницкие.

Интервьюер: А-а. Кошницкие — это фамилия.

Респондент: Да, Кошницкий. Да, их папа был Кошницкий.

Интервьюер: Так они что, братья были?

Респондент: Да, два брата. Был один старший, другой — меньший. А Гурович — он на другой улице жил. Ну, они собирали молодежь и поднимали столбы телеграфные, что там заставляли их делать; убирали улицы, вот. А потом я опять пасла коровы и по улице нашей прямо туда недалеко, где расстреливали евреев, мы попали на эту улицу и так было страшно. Спрятались за один домик, видели, как привели колонну — ну, человек двадцать или пятнадцать. Были там женщины, несколько мужчин и дети. И они расстреливали их. Потом, еще не расстреливали их,

привезли. Они стояли, стали раздеваться все. Вещи бросали на кучу. Дети плакали. Те три женщины держали детей на руках и просили: «Давайте скорее! Давайте скорее! Дети волнуются». Потом подъехала машина, вышли пять — не знаю, офицеры ли они были, с автоматами, немцы. И начали кричать «Вин! Вин!», вино. И им дали по бокалу вина, они выпили и прямо над ямой эти люди стояли, их расстреливали и они падали сами в яму.

Интервьюер: Вот эти немцы, они приехали на машине или пешком?

Респондент: Нет, они на машине приехали. Такая без крыши машина, как бы легковая, вот. И уже они их этих расстреляли. Мама не могла смотреть и говорит: «Как же мы отсюда уйдем? Сейчас они повернут автоматы и по нам дадут очередь». Но они все сели в машину и уехали, а там остались местные жители. Они поправляли этих убитых, пересыпали соломой и прикрывали землей, потому что ямы эти были очень большие — наверное, больше, чем моя хата вся. И--

Интервьюер: А на каком расстоянии вот Вы находились с Вашей мамой от места расстрела?

Респондент: Ну вот как до того дома. Вот как до того дома. Не знаю сколько метров.

Интервьюер: ну, сто? Больше?

Респондент: Не знаю, но близко это было. Хорошо видно было, что это — немец, что--

Интервьюер: как до этого дома?

Респондент: Как до того дома, да. Домик стоял маленький, мы за тем домиком — там еще был такой, как стенка сделанная из щели и вот в эти щели я смотрела.

Интервьюер: Но Вы хорошо могли видеть, например, людей? Вам было видно хорошо?

Респондент: Да, видно было, что то женщина молодая или старая.

Интервьюер: Вы могли бы узнать, если среди них были знакомые?

Респондент: Да, да, могла бы узнать. Но были незнакомые эти люди.

Интервьюер: И Вы не знаете, они были местные Дубоссарские или нет?

Респондент: Не знаю. Нет, не знаю. Потом в один день сестра моя приходит с коровой и пришли трое: девочка, женщина (ну, может лет тридцать ей было) и пожилая. Потом оказалось, что это была мама с дочкой и уже дочка молодой девочка. Они попросились ночевать. Ну, мама взяла. Зашли они - вот в этой хате вот они спали. И покормила их. Они поели и говорят: “Нам надо префектура”. Но они, по-моему, были из Бессарабии потому, что говорили они как по-румынски. Но мама моя знала и по-еврейски и знала по-молдавски, потому что она у евреев работала с маленьких лет и она научилась. И они сказали, «Если нам надо в префектуру получить документы. Поедем домой». Ну, мама повела их утром, показала, где эта префектура, но они к нам больше не вернулись. Конечно, они их не выпустили и документы им не дали. Они их собирали. Тут было две улицы — Двадцать Пятого Октября и улица Котовского. Вот на этой улице они собирали. Соберут там группу, сколько им надо было, а потом уже вели на расстрел.

Интервьюер: Вы видели, как их собирали вот на этих двух улицах?

Респондент: Нет, я видела как -- потому что мы ходили на те улицы — там и Дубоссарские приезжали, и мы тоже носили кушать. То мы видели, что там были и не Дубоссарские, и Дубоссарские.

Интервьюер: Куда Вы носили кушать?

Респондент: В те дома по улице Двадцать Пятого Октября и по улице Котовского.

Интервьюер: То есть, я поняла правильно, что Вы один раз увидели этот конвой длинный?

Респондент: Да, это, наверное, уже прошло недели две после этого конвоя.

Интервьюер: Когда Вы уже ходили носить еду или Вы о расстреле? О чём Вы?

Респондент: Нет, когда я носила еду.

Интервьюер: Ага, то есть после двух недель Вы стали носить еду в центр Дубоссар?

Респондент: Да, да. Ходила на эту улицы, там тоже знакомые были. И эти Кошницкие — там их дом был. Мы и туда, но их уже не было, этих Кошницких. Там мы отдавали другим, которые все были голодные. Магазинов не было. Покупать не было где что. Кто что имел, так и жил.

Интервьюер: Их поселили только в еврейские дома или их поселили во все?

Респондент: Нет. Все, которые были свободные. Там кто эвакуировался — и русские, и украинцы, и молдаване. Кто успел эвакуироваться. А чем пешком далеко пойдешь?

Интервьюер: И то есть евреев поселили во все пустые дома?

Респондент: В эти дома.

Интервьюер: Их как-нибудь охраняли или нет?

Респондент: Нет. Их тогда не охраняли. Они ходили свободно. Я же говорю — убирали улицы. Только у них была звездочка не помню на каком — на правом или на левом плече и сзади. Впереди одна или восьми, или шестигранная как звезда. Одна была впереди, одна была сзади. Только я не помню справа или слева. И вот они свободно ходили, но их различали уже по этим звездам, наверное. А потом уже, когда уже были массовые расстрелы, уже тогда никого и близко не пускали.

Интервьюер: А вот когда Вы уже видели расстрел, это было как давно уже после --

Респондент: это было уже, наверное, в конце сентября.

Интервьюер: А Вы носили им еду, приблизительно, в каком месяце? Или когда?

Респондент: Ну, мы в сентябре носили.

Интервьюер: И они все еще там свободно жили?

Респондент: Да, свободно они жили, но они не имели права никуда поехать или пойти пешком потому, что ехать не на чем было же. Тогда и машин не было.

Интервьюер: Но там, не знаю, кто мог им препятствовать уехать, например?

Респондент: Ну, так же был военный комендант и ходили эти вооруженные немцы и румыны. Ходили днем и ночью по улицам. Ходили по дворам и проверяли, нет ли коммунистов, флаги искали советские, рылись везде. Теперь у нас шкаф есть — тогда у нас ничего не было. Они заходили, смотрели на печке, в сарае. И всё.

Интервьюер: И вот когда Вы носили еду, можете рассказать немножко в каких условиях там жили люди вот все?

Респондент: Ну, в каких условиях — тогда все бедно жили. И евреи бедно жили, и молдаване, и русские. Все бедно жили. А еще когда война, мы уехали это в июне. Июль, а в августе мы уже вернулись из эвакуации. То, что было — всё забрали. Мука там, такана — раньше мясо пережаривали и делали такану. И то так и жили — делили ложками, чтоб хватило до следующей, пока вырастет свинья.

Интервьюер: А вы пытались как бы -- вы говорили с ними, с этими евреями?

Респондент: Да.

Интервьюер: Вы узнавали, откуда они?

Респондент: ну, я обычно к нашим Дубоссарским ходила.

Интервьюер: Знакомым?

Респондент: Да. С которыми в школе учились и родителей знала. Их мало было. Маленький городок был, нужно было всех знать. Ну, как они — плакали. Плакали. Они говорили -- еще мне сказали тогда, что на нас расчленили, ну как бы расчинку сделали для хлеба, а на вас, русских, немцы кончат. Значит, нас всех расстреляют. Да они открыто говорили, что всех расстреляют. Что им народ не нужен.

Интервьюер: Кто так говорил?

Респондент: Немцы. Этот комендант, который был, он был -- его родители эмигрировали в Германию. Ну, уже потом люди рассказывали, кто там или работал около них, что он так говорил, что он приехал именно в Дубоссары мстить за его отца. За то, что отец эмигрировал, но он уже родился в Германии. Но он приехал мстить и будет всем мстить.

Интервьюер: И другие люди, кроме евреев, пострадали как бы в Дубоссарах?

Респондент: Да, да. Расстреливали комсомольцев, и молдаван, и русских — кто был комсомолец, кто был председатель сельсовета, горсовета. У нас председатель горсовета был еврей Кишнеф.

Жена его была учительница в нашей школе, даже учила меня - Зинаида Михайловна. А им всё равно кого расстрелять, только была бы сводка — вот, тот был тот. Даже председатель колхоза кто был, тоже расстреливали.

Интервьюер: А вы видели лично, как расстреливали кого-нибудь из этих?

Респондент: нет, их -- ну у нас тут колхоза не было. А колхоз был вот Коржево, Кочиеры, Маловата. Вот там они их и расстреливали. Там на месте, где они жили, там их или вешали, или расстреливали.

Интервьюер: И Вы узнали это от других людей или как Вы узнали?

Респондент: Да, это уже люди приходили на базар в Дубоссары и рассказывали, что вот тех, тех, тех, того повесили, того расстреляли.

Интервьюер: Можно, пожалуйста, еще раз спросить Вас какие-то вещи. Я хочу лучше узнать о сцене вот расстрела.

Респондент: Ну я, как расстреливали, один раз только вот видела.

Интервьюер: Да, вот этот раз, который Вы --

Респондент: вот я видела один раз потому, что мы, когда пасли корову -- я пасла корову, мама рвала бурьян. И я увидела, что идет строй — люди, дети.

Интервьюер: И они шли мимо Вас, когда прошли?

Респондент: Нет, они шли навстречу нам. Домик был с этой стороны, а их вели оттуда от Табак завода.

Интервьюер: Да.

Респондент: и дорога была узкая такая, как тропинка. И они довели и мама говорит «Тихонько, вот сейчас рас(+треливать) ведут» вели румыны.

Интервьюер: Румыны вели?

Респондент: да.

Интервьюер: а сколько, примерно, человек вели?

Респондент: Ну, человек--

Интервьюер: сколько румын было?

Респондент: Румынов четыре, не больше. А потом уже приехали на машине немцы, то их было пять или шесть. Один командовал, а пять стреляли. Так вот это я видела.

Интервьюер: А Вы не помните форму немцев? Чем-нибудь отличалась? Как она выглядела, вот

немецкая?

Респондент: Вот как в фильмах показывают, вот такая форма у них и была.

Интервьюер: Ну как именно?

Респондент: Она была такого темно-зеленого какого-то. Ну, суконное было. Сукно. Нашивные карманы были здесь вот такие. Здесь была, как вот летчики носили наши, но у них еще какой-то герб был. Вот так, как два листочка. Ну, и на фуражке.

Интервьюер: Они в фуражках были?

Респондент: С фашистским знаком, да. С этой звездой, как раньше рисовали.

Интервьюер: Эти пилотки, как бы, на голове?

Респондент: Да, пилотки солдаты носили. А офицеры носили фуражки.

Интервьюер: И они были офицерами все?

Респондент: Ну, много офицеров было, и солдат много. Тут у нас родник, вода бьет из под земли. И был такой желоб построенный. И евреи возили воду на бочках по городу, как водопроводов не было.

Интервьюер: Ага.

Респондент: Что-то я не так, да?

Интервьюер: Не-не, всё так. Нет.

Респондент: И они там голыми сидели и купались. Они даже не стеснялись. А мы же шли туда воду брать ведром и стыдно. Увидели, что там голые и обратно домой шли, пока они не уйдут. А они по улицам ходили. Они могли зайти в любой двор, увидеть курицу, гоняться пока не поймают курицу или поросенка. Вечером придут - «Milche молёко! Milche молёко! Му-у-у» показывает, думает, что мы не понимаем. Совсем уже дурные. И вот, если и давали добровольно, они всё забирали.

Интервьюер: А вот именно эти, которые расстреливали — они были офицеры или солдаты?

Респондент: Нет, солдаты были.

Интервьюер: Солдаты были.

Респондент: Да, но тот, который командовал, там какие-то были различия. Я это не понимала тогда.

Интервьюер: Вот Вы видели всё буквально с самого начала, как их подвели к ямам?

Респондент: Да, как они шли строем. Они уже шли только в трусах и в бюстгальтере. На них не

было ни юбки, на платья, ни халата, ничего. Но они и это снимали.

Интервьюер: И остальное белье тоже заставляли снимать?

Респондент: Да, да. Всё заставляли снимать. И если были у кого серьги, и это снимали и всё бросали вот так.

Интервьюер: На землю?

Респондент: Ну, там, где вещи их.

Интервьюер: А они ставили --

Респондент: на землю прям, конечно.

Интервьюер: Ага. И там ямы уже были вырыты?

Респондент: Ямы были в стороне, может метров десять от дороги.

Интервьюер: А они раздевались возле ямы?

Респондент: Нет, они тут.

Интервьюер: Возле дороги?

Респондент: Прямо на дорожке этой они раздевались, а потом--

Интервьюер: Шли.

Респондент: Шли туда над ямой. Вставали над ямой, спиной к яме, и прямо--

Интервьюер: лицом.

Респондент: Лицом. Прямо в лицо. Лицом они же видели, как на них наводили.

Интервьюер: И расстреляли всех сразу или--

Респондент: да, сразу всех.

Интервьюер: Вы видели, как их потом закапывали?

Респондент: Ну, я говорю — они упали туда и всё. Мы же боялись туда подойти посмотреть. Так потом там несколько человек были местные, которые поправляли их, чтоб они ровно лежали.

Интервьюер: Они тоже приехали все вместе, эти местные?

Респондент: Нет, эти были с румынами. Были.

Интервьюер: Эти местные люди, они с румынами были?

Респондент: Да, это полицаи уже. Их собирали по городу вот на такие работы и они там были эти мужчины. Так они потом уже говорили, что они соломой пересыпают ряд и землей присыпят, а потом уже ждут следующих.

Интервьюер: Ну, Вы видели, как они поправляли там?

Респондент: Нет, этого не видела.

Интервьюер: А Вы--

Респондент: когда немцы уехали, мы корову за веревку и ушли оттуда.

Интервьюер: И тоже уехали?

Респондент: да.

Интервьюер: Примерно как долго вот вся эта сцена длилась? Как долго Вы были там с Вашей мамой?

Респондент: Ну, я не знаю как, время я не могла тогда определить.

Интервьюер: Ну, примерно, знаете. Там несколько минут или там час?

Респондент: Ну, наверное, час. Пока те приехали, они стояли, плакали, люди эти. А потом немцы эти выпили по кружке вина — бокалы. И тут же тут один из них крикнул «Файер!» и все и огонь сразу — «Тррх». И всё, люди сразу падают. Еще так близко.

Интервьюер: А Вы когда-нибудь еще слышали выстрелы?

Респондент: Да мы выстрелы каждый день слышали. Только и боялись идти туда и мама не разрешала. Каждый день почти стреляли. Бывало так, что ну они не с утра, так к обеду в два, в три часа. Так тогда и времени не было, ни часов не было, ничего — по солнцу определяли. А встанем вот так ровно, а тень ровно падает — всё, идем домой, корову гоним домой. Ни времени не было, ни часов. Не знали ничего.

Интервьюер: А когда-нибудь уже после расстрела Вы ходили смотреть на ямы?

Респондент: Да, потом мы уже ходили, смотрели. Так ямы эти вот так вот, земля подымалась. И пена, и кровь аж выбегала, аж текли ручьи.

Интервьюер: Вы сами лично видели?

Респондент: да.

Интервьюер: то есть Вы пошли туда вот после этого расстрела через какое-то время?

Респондент: Да. Уже когда не слышны были выстрелы, вот тогда мы пошли.

Интервьюер: В тот же самый день?

Респондент: Нет, не в тот.

Интервьюер: На другой?

Респондент: Да, может неделя прошла.

Интервьюер: Аха. И всё еще там производили расстрелы?

Респондент: Да каждый день, я говорю, что они были. Каждый день стреляли. Когда долго, когда два-три раза выстрел.

Интервьюер: Ага. И вот в один из таких дней Вы туда пошли, да? После--

Респондент: да. потом не только я, все у кого были коровы — мы в куче все пасли. Если что случится, так все вместе бежали. То мы видели эта могила уже большая была и пена, кровь — это всё вытекало.

Интервьюер: Туда?

Респондент: Земля прямо вот так вот булькала. Крови много у людей всех, она же там вся стекала. И запах был, и мухи — страшно. И они не посыпали ничем, ни хлоркой, ни чем. Так, как будто так и надо.

Интервьюер: там были какие-то предметы? Лежали на земле или ничего?

Респондент: Не, ничего уже не было. Это всё забирали сразу. Полицаи забирали и увозили в один дом. На этой же улице большой там был дом сорок. Так он и теперь сорок. Числится этот дом номер сорок. Так туда завозили во двор эти все вещи этих людей расстрелянных. А потом раздавали, кто кому хотел, кому надо было. Мама моя работала на мельнице — муку набирала в мешки, а потом отодвигала в сторону. И уже холодно было, уже перчатки надо было одевать, пальто. Тепло одеваться. И тут хозяин мельницы был. Не знаю — немец, румын; он и по-румынски и по-немецки говорил. И он сказал, что напишет бумажку маме, чтоб мама пошла вещи взяла для нас. А мама говорит, что «мне чужое горе в доме не надо. Я не знаю, что меня завтра ждет. Мне вещи не надо». И он ей перчаткой дал как по морде за то, что она не хотела взять бумажку и пойти за вещами. Мама говорит: «не надо. В чем есть, в том мы и будем жить. Нам не надо чужого». Людей расстреливали, нам вещи надо. Нам не надо ничего.

Интервьюер: Но другие люди брали?

Респондент: Брали. Брали. На нашей же улице жили. Он был красный партизан при Советской власти, а когда уже оккупировали нас, он пошел в полицию. И он вещи там брал, он предлагал тоже. И его внучка была, с моей сестрой дружили. И она говорит: «Иди домой возьми мешок. Придешь, я дам тебе вещи, какие тебе понравятся». Она пришла и маме говорит. Мама говорит: «я тебе как дам вещи. Мне чужих вещей в доме не надо». И ничего, она не пошла. Так потом, когда пришли уже двенадцатого апреля в сорок четвертом году освободили. Уже пять часов утра разведка прошла, а потом артиллерия. Солдаты шли все. И лозунги эти, плакаты были вывешены. Все те, которые брали вещи — они были нарисованы или сфотографированы. Вот

такие вот плакаты большие развешаны по заборам были. И их всех забрали.

Интервьюер: И этого человека, вот Вашего--

Респондент: его сразу забрали. Сына на фронт забрали его, а его сразу забрали. Не знаю или он умер там, или его расстреляли. Не знаю.

Интервьюер: А Вы помните его фамилию?

Респондент: Да, Ветес его фамилия была.

Интервьюер: Ветес?

Респондент: да. он итальянец был по национальности.

Интервьюер: Ага. Я хочу спросить еще вот о том случае, когда Ваша мама видела Клару Барбарович.

Респондент: Да?

Интервьюер: Вы говорили, что Вы тоже носили ей еду.

Респондент: Да, я тоже носила два раза еще еду ей туда, когда она была в подвале.

Интервьюер: Я хочу спросить, там, в подвале, еще другие люди были?

Респондент: Не видно было. Она одна стояла в окне. Видно на табуретке потому, что там глубоко. Глубокий подвал, как третий этаж. Окна половина только. Но мама лицо её — она на чем-то стояла. Мама её хорошо видела. И я видела. Я подходила и кричала: «тетя Клара, я Вам кушать принесла». И она брала у меня через окно.

Интервьюер: И, но там может голоса какие-то слышны, там еще люди были?

Респондент: Нет, не было слышно никого.

Интервьюер: А Вы знаете, её били или нет там?

Респондент: Она говорила, что её били немцы, когда она пришла в дом. Она пришла, открыла дверь и зашла и говорит: «Что это тут?! Это мой дом!». Ну, они же по-русски не знали. А она, видно, по-немецки не знала. И они её вытолкнули, а она опять зашла. Тогда они её избили и полиция пришла уже. Ну, тут была и полиция. Вроде как наши местные в полиции были. И жандармерия была румынская. И немецкие вот эти вот, не знаю, кто они — патрули или кто они были. Говорили, что комендант, комендантура.

Интервьюер: А вот при расстреле тогда из местных полицаев Вы узнали кого-нибудь тоже?

Респондент: Нет, нет.

Интервьюер: Вот этого человека, которого Вы говорили, не было? Ветес?

Респондент: Нет, нет. Его тут не было.

Интервьюер: Были другие?

Респондент: Были чужие пожилые люди. Те, которых на фронт не забрали.

Интервьюер: Ага. Я хотела спросить теперь о том конвое длинном, который Вы видели с евреями. Я не очень поняла там — они шли по двум дорогам параллельным или как? Вы говорили --

Респондент: нет. Шла сошейная дорога --

Интервьюер: Да.

Респондент: -- где шли только машины, а потом грунтовая дорога рядом. Ну, она идет вот так дорога, а тут канава с одной и с другой стороны. А потом шла так дорога грунтовая, где повозками ехали. И вот там их везли, которые не могли идти или больные. Или ноги больные — там всякого возраста были люди.

Интервьюер: Много таких повозок там было?

Респондент: Да, много. Наверное, десять, может и больше.

Интервьюер: И там много людей?

Респондент: Да, да. Кто лежал, кто сидел, кого ноги с повозки висели, болтались, кто лежал.

Интервьюер: А люди, которые шли, они с котомками? У них что-то было?

Респондент: Да, были с торбами на плечах.

Интервьюер: А они пытались заговорить с местными людьми?

Респондент: Нет, им не разрешали говорить. Они шли еще даже вот так деньги разбрасывали, советские деньги. Тогда были тридцатки красные, я помню, и разбрасывали вот так деньги вот. Вытянет, пачка как будто бы, и вот как карты рассыпались эти деньги.

Интервьюер: Кто? Из этих из заключенных?

Респондент: Этих, которых вели, да. Но так эти деньги и валялись, их никто не собирал потому, что деньги советские не шли. Не было и их нигде не принимали.

Интервьюер: А откуда Вы знали, что они евреи вот эти люди?

Респондент: Ну, они же шли и между собой говорили по-еврейски.

Интервьюер: И Вы понимали? Вы знали, что --

Респондент: ну, мы же ж уже знали какие евреи.

Интервьюер: могли узнать?

Респондент: По языку уже знали, что это евреи. И тем более мама моя. Мама моя же знала по-еврейски.

Интервьюер: Вы были с мамой, да?

Респондент: Да. Я посла корову, мама рвала бурьян. Вот как раз когда они их вели. И мы встали. Уже не рвали, стояли, смотрели. Думали, может, кто тут знакомый пройдет. Но знакомых - может, и были, да молчали бедные, чтоб их не били. Потому что они же сразу плетками били.

Интервьюер: А из них кто-нибудь узнал Вашу маму или нет?

Респондент: Нет, никто не озывал маму и мама никого не узнала. Вот только эти местные, которые приходили к нам — Гурович и Кошницкие два.

Интервьюер: Это уже потом? После того, как Вы увидели конвой?

Респондент: Да. После того, как мы увидели их, да.

Интервьюер: А случалось ли Вам за годы войны как бы видеть другие случаи, не обязательно расстрела, но может быть, когда кого-нибудь били? Просто применяли насилие к мирному населению любой национальности?

Респондент: А били — в основном били румыны. Они ходили с обыском. Если у кого был сундук, они открывали сундук. Вытаскивали. Говорили, что они ищут флаги советские. Зачем нам надо было флаг? Тогда флаг в каждом доме не был, только на предприятиях развешивали в праздники флаги. Флагов не было. Им надо было, что понравится, они возьмут. А когда отступали немцы, те забирали все потому, что мокрые ноги. Это было в марте месяце — и снег, и дождь. Холодно, они отступали. А уже двенадцатого апреля зашли наши — нашими так и называли, «Всё равно наши придут».

Интервьюер: Мда. А вот Вы знаете кого-то лично, кто бы пострадал? Вот чтобы его били во время румынской власти уже? Других людей?

Респондент: Да били всех. И меня даже били.

Интервьюер: Вас тоже?

Респондент: да. когда уже отступали немцы, уже Умань — это ж там на Украине где-то, там уже бои шли. Так они ночью приходили и забирали всю молодежь. Я не хотела идти. А меньшая сестра убежала, а мне связали руки и кинули эти полицаи меня на повозку. Копать окопы сказали. Надо идти копать окопы, а завезли нас во двор милиции. И там, через забор и я, и моя сестра — забор был невысокий, каменный — и мы убежали с ней. Убежали, и куда? Мы там, где были еврейские улицы, мы по этим улицам и туда же к Днестру побежали. Оттуда уже ждали вечер и вечером пришли домой. Мама, как увидела, и говорит - мама же видела, как они меня били. Били прямо плеткою.

Интервьюер: Когда Вас забирали из дома?

Респондент: Да. Что я не хотела идти добровольно, так он мне плеткой несколько раз дал, а потом связал мне руки и кинул меня на повозку.

Интервьюер: А Ваша сестра моложе?

Респондент: Меньше меня на три года. Она двадцать седьмого года.

Интервьюер: Ага. И вот в это место, куда Вас завели--

Респондент: Да во двор милиции. Когда-то там была милиция, потом полиция была там. И она говорит мне: «Вера! Вера, давай убежим. Смотри, вон там забор обваленный. Давай убежим». А я боялась. Думаю, мне дома дали плеткой, а тут даст прикладом или убьёт. И я боялась. А она говорит «идем» и первая перелезла. А за ней и я. И прыгнули. А это уже перед утром, наверное, было. Я знаю, может, часов пять утра потому, что они нас с вечера забрали. А потом, куда бы нас повели — не знаю. Но мы убежали.

Интервьюер: А там были еще другие?

Респондент: Много. Много. Со всех Дубоссар туда свезли.

Интервьюер: Молодежь в основном?

Респондент: Да, да, да. Мальчиков было мало, а основные девочки были.

Интервьюер: А сколько там, примерно, человек они собрали? Ну, подростков.

Респондент: Много. Там был полный двор. Не знаю, там сосчитать нельзя было.

Интервьюер: Ну, десятки или сотни людей?

Респондент: Сотни были. Полный-полный двор. И все ха-ха-ха, и все кто плачет, кто кричит. И мама. И обзывали их и румыны, и паразиты, и фашисты. И мы убежали. Потом целый день мы в хате сидели, а вечером мы в овраг ушли, а там заросли были — акация, дереза, не знаю как по вашему. И мы там прятались и уже когда за двенадцать ночи--

Интервьюер: Стемнеет.

Респондент: уже тихо, никто нигде не ходит, собаки не лают — мы домой возвращались. Покушаем, утречком поедим и опять в рыпу (овраг).

Интервьюер: и так несколько дней? Или как долго Вы прятались?

Респондент: Да пока, пока уже вот, когда слышны были выстрелы и самолеты залетали уже советские. А немцы колоннами эвакуировались, все шли на мост и даже обстрелял один самолет ту колонну, которая ехала машинами. Немцы все повыбежали, прятались. Самолет построшил с пулемета, не знаю, с автомата — что они там стреляли. И мы до тех пор, а потом уже всё. Никто

не вылавливал никого. Уже знали, что русские идут. Советские.

Интервьюер: А знаете ли Вы случаи, когда еще кого-нибудь били? Тоже Вам не со слов других, а как бы Вы лично видели?

Респондент: Мы еще вот впереди меня там жила моя, ну в одном классе мы учились в оккупации, она говорит: «идем в церковь». Пошли мы в церковь. Зашли, а там свистит — кто-то свистит. Ну, в церкви же свистеть нельзя. Молиться там, а не свистеть. И я встала у дверей, а она пошла прямо туда. Смотрим, раз там никого не видно, а свистит кто-то в алтаре, где священники. И я говорю: «Идём. Идём, никого нету, что мы будем тут стоять?!» И я побежала по ступенькам с церкви, а она еще стояла смотрела, смотрела. Вышел в черной рясе один — или он был немец, или он был румын, не знаю. Он её взял за руку, стал тянуть — она вырывается. Он её вот так вот как размотал, крутил, крутил, а потом вот так как швырнет. Она упала — там гравий, побила все ноги. И больше мы в церковь не ходили.

Интервьюер: Но Вы не знаете, кто тот человек был?

Респондент: Нет, не знаю.

Интервьюер: А он не говорил что-нибудь на каком языке?

Респондент: Он звал вот так, пальцем звал. Но она немножко, не скажу, что глупо сделала. Я говорю: «не ходи, Маруся, потому что никого нету тут, что мы сюда придем?!» И я вышла на крыльцо церкви, а она там. Потом, когда он стал идти за ней, я побежала вниз, а он — ой, забыла. А он взял её за руку, стал тянуть. А потом вот так вот как раскрутил, крутил-крутил и как пустил её. Она была как пылинка.

Интервьюер: А в чем, Вы говорите, он был одет?

Респондент: Ну, как священники по улицам ходят в длинных таких черных платьях.

Интервьюер: Да, да, да.

Респондент: Так и не поймешь. То ли он священник, черная кепка на нём такая же была.

Интервьюер: Ну, как бы, не местный священник? Вы его знали?

Респондент: Не, не, не. Не было. Тогда не было. Церквей не было. До войны не было у нас церквей. Всё разрушено было.

Интервьюер: Спасибо, Вам. Спасибо.

Респондент: Пожалуйста.

Интервьюер: Мы хотели еще кое-что уточнить.

Респондент: Пожалуйста.

Интервьюер: Во-первых, я хочу еще раз переспросить Вас о том, как долго - сколько дней,

примерно, шли эти расстрелы? Вот Вы один эпизод видели всего лишь, один случай.

Респондент: да. да.

Интервьюер: Но Вы говорили, что там выстрелы были и убивали людей каждый день.

Респондент: Наверное, убивали месяца два.

Интервьюер: Месяца два?

Респондент: да.

Интервьюер: каждый день шли расстрелы?

Респондент: Каждый день.

Интервьюер: И Вы за эти два месяца слышали выстрелы почти--

Респондент: все слышали. Все слышали, потому что это очередь. Дубоссары маленькие, а это недалеко. Вы были на том кладбище? Знаете, где это кладбище?

Интервьюер: да.

Респондент: вот. И тут же ж близко. «Трррр» и всё. Это уже сразу все насторожатся и слушают. Вот так по несколько раз они--

Интервьюер: Вы говорили, что как бы то, что Вы видели, это было в начале сентября?

Респондент: Да, это... Да, в начале сентября. Когда эти первые пришли. Пришла эта колонна большая. А потом они - уже мы не видели откуда. Они могли из Тирасполя везти или из Григориопля. И люди прятались и по деревьям, везде.

Интервьюер: Но как бы вот эти расстрелы продолжались на протяжении сентября и октября?

Респондент: Да, да, да.

Интервьюер: Хорошо.

Респондент: Там же много, я уже не помню сколько. Много там могил этих вот таких больших. Как мой дом больших.

Интервьюер: А сколько там могил, примерно?

Респондент: Ну, я помню семь было сразу.

Интервьюер: Когда Вы видели, да?

Респондент: да.

Интервьюер: Вы видели там семь могил?

Респондент: А там же, в той могиле, там же сотни ставили, может и тысячи.

Интервьюер: А Вы ходили на Табачный завод? Вот там, где евреев держали?

Респондент: Нет.

Интервьюер: Никогда не ходили?

Респондент: Нет. Там и не пускали никого. Там охрана была и с одной стороны, и с улицы Ленина, и с улицы - тогда переулок Дзержинского назывался.

Интервьюер: Даже не приближались?

Респондент: Не, не, не. А потом там воинская часть вот. Там тоже и теперь никто не ходит. По дороге ходят.

Интервьюер: А эти немцы, которые расстреливали, ну евреев, Вы их когда-нибудь видели, чтобы они гуляли по городу?

Респондент: Нет, нет. Нет, комендант ходил. Я видела его сколько раз. Он ходил по городу с палочкой, с тросточкой такой вперед. Сзади три немца с автоматами. Он всё время ходил шлялся по городу.

Интервьюер: А другие — нет?

Респондент: А других не видели.

Интервьюер: Тогда, когда они — Вы говорили, что они пили и что они пили?

Респондент: Они перед тем, да.

Интервьюер: Да, перед расстрелом.

Респондент: Они кричали «Вин! Вин!» и им тут же подавали вино бокалами. И они выпьют бокал, а бокал большой — вот такой вот большой. Знаю, больше пол-литра. И он выпивал вино это — конечно он бешеный, он будет стрелять.

Интервьюер: А они по одному только выпивали или больше?

Респондент: Нет, по одному перед этим. А потом уже люди рассказывали, которые там были. Каждый раз новых они собирали. То они говорили, что они за каждым разом перед тем, как стрелять, они пили бокал вина.

Интервьюер: А там было что-то? Какой-то сосуд?

Респондент: Бочка. Бочка была с вином.

Интервьюер: Вы видели эту бочку?

Респондент: Я сама видела ту бочку. Да.

Интервьюер: Большая?

Респондент: Да, большая. Вот такая вот, наверное.

Интервьюер: Ну, это где-то пятьсот литров. Или сколько?

Респондент: С краником.

Интервьюер: Если она такой--

Респондент: Много. Там, наверное, вёдер тридцать бочка. Винзавод же ж был у нас. Винзавод у нас давно, еще с тысяча восемьсот пятьдесят седьмого года. Мама моя тоже на заводе том, винзаводе работала. Так что, вино было. А они ходили по дворам вот с такими шпагами, прокалывали огороды — люди прятали, закапывали вино, когда эвакуировались. И когда вернулись с эвакуации, уже оккупация. Они ходили, искали. Если найдут у кого, заберут эту бочку. Брали носилки — и два немца вперед, два немца сзади несут эту бочку и поют. Прямо по улице несут и поют: «Волга, Волга, мать родная. Волга — матушка река!» по-русски.

Интервьюер: По-русски пели?

Респондент: да.

Интервьюер: это немцы пели по-русски?

Респондент: да. эту песню пели.

Интервьюер: Интересно. В принципе, это всё, что мы хотели уточнить. Спасибо Вам большое за Ваше интервью.

Респондент: Пожалуйста.

Интервьюер: Всего доброго.

Респондент: Пожалуйста. Извините, что так получилось. Если бы я знала, я бы освободила ту комнату.